

ПРОБЛЕМА «ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОШЛОГО» В НЕМЕЦКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Елена Андреевна Дармина

МГИМО МИД России, Москва, Россия
darminaalena5@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3728-9875>

Аннотация. Проблема «преодоления прошлого», изначально связанная с нацистским периодом, до сих пор остается актуальной и болезненной для немецкого общества. Цель данной статьи — проследить генезис феномена «преодоления прошлого» в послевоенной Германии. Для того, чтобы подробно рассмотреть становление и развитие этого концепта в немецком научном обществе, были проанализированы подходы немецких историков к оценке нацистского прошлого после образования ФРГ и до сегодняшнего дня. Статья опирается на принципы *memory studies*, освещает проблему коллективной вины и ответственности немцев за национал-социализм.

Усиление рефлексии над феноменом вины в период 1949–1990 гг. характеризовалось извлечением уроков из прошлого: публичным признанием преступлений нацистского режима, созданием мемориалов в память о жертвах. Важным событием, повлиявшим на политику памяти и вызвавшим резонанс в немецком обществе, стал «спор историков», который поднял вопрос переоценки значения национал-социализма. На основе сравнительно-исторического метода были сопоставлены процессы «преодоления прошлого» в ФРГ и ГДР. В результате исследования было выявлено, что после объединения Германии понятие «преодоление прошлого» (нем. «Vergangenheitsbewältigung») трансформировалось, возникла проблема «двойного примирения с прошлым», которая активно обсуждается в обществе и транслируется средствами массовой информации. Как показало исследование, в Германии проблемой общественного исторического сознания и культуры памяти является теперь не только период национал-социализма, но и режим правления Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Если преодоление национал-социализма уже стало частью немецкого самосознания и идентичности, то прошлое ГДР в немецком обществе пока находится в процессе переосмысления. В статье описаны и проанализированы сложности данного процесса, вызванные специфическим характером этой проблемы. Также выявлена относительно новая проблема, оказавшаяся в фокусе острых дискуссий немецкого научного сообщества. Её суть состоит в обсуждении различий между трактовкой концепта и практикой «преодоления прошлого» в послевоенный период и их новым пониманием в культурном опыте современной объединённой Германии.

Ключевые слова: Германия, преодоление прошлого, проблема вины, коллективная ответственность, национальная идентичность, национал-социализм, СЕПГ

Для цитирования: Дармина Е.А. Проблема «преодоления прошлого» в немецком научном дискурсе // Концепт: философия, религия, культура. — 2023. — Т. 7, № 2. — С. 36–49. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-2-26-36-49>

Research article

OVERCOMING THE PAST IN GERMAN SCIENTIFIC DISCOURSE

Elena A. Darmina

MGIMO University, Moscow, Russia
darminaalena5@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3728-9875>

Abstract. Even now German society is painfully aware of its past. For German historians and cultural scientists, the problem of overcoming the past is an important topic for discussion. The purpose of this research article is to explore the genesis of the phenomenon of overcoming the past in post-war Germany. To investigate the phenomenon and the development of the concept, the article analyzes the approaches of German historians to the study of this problem from the formation of the Federal Republic of Germany to this day. The research is based on the principles of memory studies to reflect on the problem of guilt and collective responsibility of the Germans for the Nazi era. In 1949–1990 the German society acknowledged Nazi crimes and established memorials. Political disputes on the reassessment of national socialism attracted public attention and transformed memory politics in the country. The author also applies a comparative historical method to determine how this went in two German states, Germany and the GDR. The results of the study show that after the unification of Germany, the concept of overcoming the past has changed and the problem of overcoming the past has got a new dimension in German scientific discourse. As the study has shown, at present not only overcoming the period of National Socialism but also rethinking the SED regime is a significant problem of public historical consciousness and the culture of memory in Germany. This double problem is widely discussed in the media and is finding its way into the collective consciousness and identity of the German people. The article describes and analyzes the specificities of the process of transformation. Scientific discussion of the differences between the understanding of the concept of overcoming the past and its practical applications described in the paper is another finding of the study.

Keywords: Germany, overcoming the past, the problem of guilt, collective responsibility, national identity, National Socialism, SED

For citation: Darmina, E. A. (2023) 'Overcoming the Past in German Scientific Discourse', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 7(2), pp. 36–49. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-2-26-36-49>

Период 1945–1990 гг. для Германии — это не только история существования двух немецких государств на карте Европы, но и период формирования разного отношения к своему прошлому. С момента объединения ФРГ и ГДР прошло уже более 30 лет, однако в обществе до сих пор по-разному воспринимается Вторая мировая война и события немецкой истории, предшествовавшие этой катастрофе, а именно период национал-социализма. Если на протяжении своего существования жители ГДР с молчаливого одобрения властей (и не без исторических оснований) считали себя жертвами режима, избегая при этом говорить о центральных темах исторической ответственности — Холокосте, практике создания концентрационных лагерей и т.д., то ФРГ взяла на себя ответственность за преступления Третьего рейха. Процесс «примирения с прошлым» в послевоенные годы шёл медленно, однако уже с 1960-ых гг. немцы впервые сами стали судить нацистов, бывших палачей лагерей смерти, положив тем самым начало социально-психологическому феномену культурного переосмысления своего исторического прошлого. Практики преодоления нацистского прошлого проявились в увековечении памяти как через создание мемориалов, так и через передачу травмы от поколения войны к послевоенному поколению.

После объединения в общественном поле и научном сообществе Германии разгорелся интерес к изучению проблем прошлого, начался поиск общих черт в коллективных воспоминаниях ГДР и ФРГ, сложился концепт *общего* исторического прошлого. В обществе возникла потребность реинтерпретации основных параметров самоидентичности. Стремление сформировать обновлённую версию национальной идентичности вновь подвело к переосмыслению вопросов, связанных с переживанием опыта военных лет.

Однако после 1990 г. в Германии заговорили о трансформации феномена «проработки прошлого», так как жители новой страны, образовавшейся после объединения ГДР и ФРГ, имели не только разный менталитет, но и *разную коллективную*

память. Что, в свою очередь, вызвало в немецком обществе дискуссию об обновлении подходов к *исторической памяти* как таковой. Эта дискуссия касалась и новых практик «преодоления прошлого».

Цель данной исследовательской работы — проследить развитие феномена «преодоления прошлого» в немецком гражданском обществе с момента его возникновения после Второй мировой войны по сегодняшний день; отдельным вопросом рассмотрения становится при этом трансформация оптики немецкого научного сообщества. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: описать генезис термина «*Vergangenheitsbewältigung*», определить влияние политических событий на динамику проявления «преодоления прошлого» в немецком обществе, проанализировать причины и специфику трансформации феномена после объединения Германии в 1990 г.

Для анализа «преодоления прошлого» необходимо прибегнуть к сравнительно-историческому методу, позволяющему сопоставить процессы преодоления национал-социалистического прошлого в ФРГ и ГДР. Проследить формирование феномена «преодоления прошлого» и выявить его специфику в культуре объединённой Германии помогают принципы *memory studies* и метод *case studies*. Исследование опирается также на герменевтический подход и дискурсивный анализ, особенно важные при анализе речей и отдельных высказываний немецких политиков и общественных деятелей в связи с их отношением к общему немецкому прошлому.

Напомним: термин «*Vergangenheitsbewältigung*» можно перевести с немецкого и как «переосмысление прошлого», и как «преодоление прошлого». Он описывает социокультурный феномен резонансной общественной и научной дискуссии, связанной с культурой памяти. Однако наравне с «*Vergangenheitsbewältigung*» в немецком научном и гражданско-политическом дискурсе выделяют также термин «*Vergangenheitsaufarbeitung*», что в переводе означает «примирение с прошлым». После объединения Германии в 1990 г. в немец-

ком обществе чаще стал использоваться именно этот термин. Уместно предположить связь между изменением частотности словоупотребления и содержательной трансформацией самого феномена «преодоление прошлого». Помимо идеи «общего прошлого» эта трансформация включала в себя социокультурную рефлексию не только по поводу периода национал-социализма, но и по поводу эпохи «диктатуры СЕПГ».

«Преодоление прошлого» в ФРГ

Впервые концепт «преодоление прошлого» возникает во второй половине 1940-ых гг. На государственном уровне заявления о попытках проработки прошлого сделал ещё первый президент ФРГ Теодор Хойс, он же впервые использовал этот термин публично [Baumgärtner, 2001]. Уже менее чем через три месяца после вступления в должность, 9 декабря 1949 г., первый федеральный президент выступил с речью об ответственности немцев за геноцид евреев. Посетив Гессен с инаугурационным визитом, Хойс принимал участие в программе церемонии Висбаденского «Общества еврейско-христианского сотрудничества». Впервые немецкий политик воспользовался случаем, чтобы публично прокомментировать «вопрос вины» немцев. В речи, которая вошла в историю как «Мужество любить» (нем. «Mut zur Liebe»), Хойс заявляет о сопричастности жителей Германии к преступлениям нацистского режима, о коллективном долге и ответственности каждого немца, требующим от него работать над восстановлением человеческих отношений в мире [Baumgärtner, 2001]. Федеральный президент заявил: «Отвратительно зло, совершённое в отношении еврейского народа, и должен быть поставлен вопрос: виноваты ли мы, потому что мы жили в Германии? Мы причастны к этому дьявольскому преступлению... Сейчас говорят о «коллективной вине» немецкого

народа. Однако выражение «коллективная вина» и то, что за ним стоит, является простым упрощением, это именно то, как нацисты привыкли смотреть на евреев: факт того, что они евреи, уже заключал в себе феномен вины. Состояние коллективного позора — вот то, что выросло и осталось с того времени. Худшее, что Гитлер сделал с нами, — а он сделал с нами многое, — он заставил нас с позором носить вместе с ним и его соратниками немецкое имя» [Vogt, 1984].

Считается, что эта речь явилась эмоциональным призывом к коллективному признанию немцами своей вины. Таким образом, Теодор Хойс сделал попытку сместить фокус вины с Гитлера и его ближайших соратников на всех немцев. Президент ФРГ потребовал того, что впоследствии ляжет в основу преодоления прошлого, а именно сочувствия жертвам, признания преступлений. Тот факт, что «Vergangenheitsbewältigung» вошёл в употребление в устоявшейся форме к концу 1950-ых гг., подчёркивает, что этот призыв был воспринят немцами как значимый социально, культурно, политически и экономически.

Немецкий справочник «Duden» толкует термин «Vergangenheitsbewältigung» как «публичные дискуссии внутри страны по проблемному периоду недавней истории — в Германии, в частности, по эпохе национал-социализма»¹ (нем. «Auseinandersetzung einer Nation mit einem problematischen Abschnitt ihrer jüngeren Geschichte, in Deutschland besonders mit dem Nationalsozialismus»). В данном контексте прилагательное «проблемный» стоит понимать, как относящийся к травмирующему периоду, связанный с проблемой коллективной вины. Фундаментальный анализ культурной политики провёл в своё время в монографии «Политика прошлого. Истоки ФРГ и нацистское прошлое» историк Норберт Фрай [Frei, 1994]. Он исследовал проблему оценки с позиций исторической памяти по-

¹ Vergangenheitsbewältigung. — Duden: Cornelsen Verlag GmbH, 2022. — URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Vergangenheitsbewaeltigung>

литических действий, начиная с момента создания нового государства со столицей в Бонне. Фрай описывает процесс денацификации, реабилитации жертв, «законы о безнаказанности» 1949 и 1954 гг., а также политизацию вопроса о военных преступлениях и пути его решения.

Проблема коллективной вины или коллективной ответственности неразрывно связана с преодолением прошлого и темой культурой памяти. Одним из первых в немецкой истории, кто поднял тему «виновности» за преступления нацизма, стал философ Карл Ясперс. В своём труде «Вопрос виновности», написанном в период Нюрнбергского процесса, Ясперс выделил несколько типов вины: уголовная, политическая, моральная и метафизическая, отдельно обозначив коллективную вину [Ясперс, 1999]. Уголовные преступления касаются только небольшого числа лиц и влекут за собой юридическое наказание. Политическая вина предполагает политическую ответственность за действия или бездействия каждого конкретного человека. Моральная вина предполагает внутренние процессы, раскаяние в своих поступках. Ясперс обращает внимание на тот факт, что некоторые нацисты пребывали вне моральной ответственности, так как они не чувствовали за собой преступлений. Важнейшим опытом, полагает Ясперс, можно считать метафизические переживания. С осознанием виновности на этом уровне у человека возникает чувство солидарности и личной ответственности, без которых его нельзя назвать свободным. Ясперс утверждает, что «признание вины станет главной чертой немецкого самосознания и тогда душа пойдет путём преобразования» [Ясперс, 1999]. Причём в отличие от уголовной и моральной вины, у вины политической и метафизической нет временных ограничений. Граждане виновны в преступлениях своего государства, поэтому Ясперс призывает взять вину и ответственность за проступки отцов, кото-

рые позволили существовать нацистскому режиму. Только благодаря этому возможно изменить своё мировоззрение и встать на путь очищения. Работа «Вопрос о виновности» положила начало политической дискуссии о способах преодоления прошлого.

Стоит отметить: даже спустя более 70 лет после публикации эта проблема остается актуальной для Германии. Как отмечают авторы энциклопедии «Lexikon der "Vergangenheitsbewältigung" in Deutschland» М. Лоренц и Т. Фишер, работа над этой проблемой никогда не завершится, а «преодоление прошлого» имеет циклический характер. Авторы энциклопедии выпустили несколько редакций лексикона, добавляя в каждую последующую версию недостающие главы, которые рассматривают данную проблему в новых аспектах, возникающих в ходе истории и в ходе обсуждения исторических событий.

Исследователи проблемы трансформации культуры памяти в Германии обращают внимание на помещение в фокус общественного внимания (прежде всего, силами средств массовой коммуникации) тех событий недавнего прошлого, которые связаны с новыми, имевшими место уже в XXI в., судебными процессами над нацистскими преступниками². Из этого примера видно, что огромную роль в процессе «преодоления прошлого» сегодня играют культурно-индустриальные нарративы, тиражируемые медиа (в том числе, новыми медиа). Они оказывают значительное влияние на коллективное конструирование прошлого, инициируя общественные дебаты о том, можно ли было изображать ужасы войны и концлагерей, и если, да, то каким образом это нужно было делать.

Как уже отмечалось, некоторые шаги в области «преодоления прошлого» были сделаны уже после окончания войны. Речь в данном случае идёт не только о постановке вопроса, но и конкретных социальных и политических шагах — о денацификации, о судебных процессах над преступниками

² Fischer T., Lorenz M. Lexikon der «Vergangenheitsbewältigung» in Deutschland. Debatten- und Diskursgeschichte des Nationalsozialismus nach 1945 (3., überarbeitete und erweiterte Auflage). — Bielefeld: Transcript Verlag, 2015. — 494 p.

нацистского режима, а также о политических задачах, связанных с установлением демократии в Германии и восстановлением разрушенной страны. Решение этих политических задач пришлось на первые послевоенные годы, то есть на годы оккупации союзниками; их осуществляло правительство Конрада Аденауэра, первого федерального канцлера ФРГ. Заменяя институты и властные структуры нацизма, немцы задались целью справиться с виной недавней истории. Усиление феномена «Vergangenheitsbewältigung» характеризовалась извлечением уроков из прошлого такими способами, как честное публичное признание преступлений нацистского режима, попытка исправить, насколько это возможно, совершённые ошибки, развитие у граждан ФРГ социально одобряемого стремления «уйти» от этого прошлого.

Немецкий философ Теодор Адорно в работе «Что значит переработка прошлого?» (нем. «Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit?») называет умалчивание о преступлениях Третьего рейха ошибкой, «попыткой бегства» [Adorno, 1963]. По его мнению, путь к «преодолению прошлого» лежит в просвещении, в обеспечении людей информацией о преступлениях нацистского режима. Он подчёркивает важность знания причин, повлекших за собой катастрофические события.

Идею важности «просвещения», состоящую главным образом в распространении информации о преступлениях национал-социализма, разделяет Гельмут Кёних в статье «От диктатуры к демократии или что такое преодоление прошлого» (нем. «Von der Diktatur zur Demokratie oder Was ist Vergangenheitsbewältigung») [König, 1998]. Политолог называет три главных элемента, на которых должно было строиться «преодоление прошлого» в послевоенный период: уголовное преследование, реабилитация жертв, распространение в обществе информации об этих процессах.

По мнению историка Эрнста Нольте, прошлое в Германии — такое прошлое, «которое не может кануть в небытие». Он

считает, что гражданское и политическое общество ФРГ «не хочет» забывать период Третьего рейха, поэтому продолжает рассказывать о нём и обсуждать³. Культура памяти, претендующая на истинность, основываясь на частных воспоминаниях, критически зависит от того, чтобы люди, рассказывающие истории из прошлого, снова и снова обращались к ним, переосмысливали их, вновь и вновь искали причины происходившего. Действительно, в ФРГ сложилась широкая общественная культура памяти — как в контексте политических и государственных дебатов о собственной истории, так и в связи с большим количеством частных инициатив. Немаловажную роль в этой культуре играет большое количество мемориалов, посвящённых жертвам режима.

Немецкая исследовательница исторической памяти Алейда Ассман напоминает о том, что каждая культура разрабатывает свою универсальную систему, которая предохраняет потерю или забвение исторического знания. Таким путём создаются культурные средства для накопления и воспроизведения этих знаний с целью сохранения культурной идентичности и культурного наследия общества [Ассман, 2014]. Действием этого механизма можно объяснить стремление общества к «увековечиванию» индивидуальной памяти и её последующую трансформацию в коллективную и культурную память. В качестве примера подобного увековечивания можно назвать Национальный день траура в Германии, который отмечается с 1993 г. в память жертв войны и тирании перед Нойе-Бахе в Берлине. Другой пример: в 1996 г. президент ФРГ подписал указ о назначении 27 января днём памяти жертв национал-социализма. Напомним: это — день освобождения советскими войсками концентрационного лагеря и лагеря смерти Освенцим (Аушвиц), ставшего символом национал-социалистического террора. Также элементом культуры памяти становятся политические речи и жесты по случаю определённых юбилеев или

³ Fischer, Lorenz.

государственных визитов, как например коленопреклонение Вилли Брандта у мемориала погибшим в варшавском гетто и совместное посещение Гельмутом Колем и Рональдом Рейганом военного кладбища Битбург.

«Спор историков»

Однако, несмотря на потребность «преодолеть прошлое», в немецком обществе постепенно росли настроения, требующие подвести черту под дискуссиями о периоде национал-социализма. Примером таких настроений можно считать разгоревшийся в 1986 г. «спор историков» (нем. «Historikerstreit»), показавший образец борьбы за самостоятельность научных интерпретаций, «зажатых» между разными политическими направлениями. В этой дискуссии проявляются полярные толкования недавних исторических событий и связанных с ними культурных феноменов. Споры идут об определении тоталитаризма, об особом «немецком пути» (нем. «der deutsche Sonderweg»), об исключительности и беспрецедентности такого исторического явления, как геноцид евреев, и т.д. [Jesse, 2021].

Толчком эскалации обсуждения этой проблематики в научном сообществе стала полемика, спровоцированная вопросом историка Эрнста Нольте: не мог ли Холокост быть реакцией на преступления, не относящиеся только к немцам?⁴ Отметим: впоследствии эта идея нашла своё развитие в немецком научном дискурсе.

Важную роль в развитии этого спора сыграла также речь федерального президента Рихарда фон Вайцзекера в 1985 г. по случаю 40-летия окончания войны в Европе и конца национал-социалистической тирании, когда он назвал 8 мая «Днём освобождения» от национал-социализма⁵. Это

высказывание вызвало всплеск недовольства в немецком обществе и привело к возникновению ожесточённой оппозиции такой точке зрения. В качестве ответа на эту речь председатель блока ХДС/ХСС Франц Йозеф Штраус заявил в следующем году: «Нам пора выйти из тени Третьего рейха и орбиты Адольфа Гитлера и снова стать нормальной нацией» [Garbe, 2002].

За этим событием последовали скандальные дебаты в 1998 г. между немецким писателем Мартином Вальзером и председателем Центрального совета евреев Германии Игнацом Бубисом. На вручении Премии мира немецкой книжной торговли Вальзер призвал положить конец постоянному переосмыслению национал-социалистического прошлого. В своей благодарственной речи писатель раскритиковал «инструментализацию немецкого стыда для текущих целей»⁶. Игнац Бубис обвинил писателя в интеллектуальном подстрекательстве, которое может привести к тому, что большая часть населения, в том числе интеллигенция, примет решение «покончить с нацистским прошлым и смотреть в будущее»⁷.

«Преодоление прошлого» в ГДР

В отличие от ФРГ, в ГДР при воспоминании национал-социалистического прошлого акцент смещался с коллективной вины или проработки ответственности за Холокост на антифашистское сопротивление [Faulenbach, 2009]. В этом сыграла роль коммунистическая идеология. Культура памяти в ГДР характеризовалась антифашистской направленностью. Как отмечает в статье «Erinnerungskultur in der DDR» Б. Мюллер, фашизм признавался террористической диктатурой империалистических элементов финансового капитала⁸. ГДР взяла на себя функции антифашист-

⁴ Nolte E. Vergangenheit, die nicht vergehen will // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1986. — 6 jun.

⁵ Fischer, Lorenz.

⁶ Leffers J. Die lästige NS-Vergangenheit // Spiegel. — 2002. — 14 may. — URL: <https://www.spiegel.de/lebenundlernen/uni/studenten-und-holocaust-die-laestige-ns-vergangenheit-a-196024.html>

⁷ Ibid.

⁸ Müller B. Erinnerungskultur in der DDR // Bundeszentrale für politische Bildung. — 2008. — 26 aug. — URL: <https://www.bpb.de/themen/erinnerung/geschichte-und-erinnerung/39817/erinnerungskultur-in-der-ddr/>

ской борьбы как сопротивления нацизму бывшей Коммунистической партии Германии, называя себя «лучшей Германией» и не признавая за собой наследие Третьего Рейха. Этот подход позволил ей отказаться от рефлексии над национал-социалистическим прошлым и не уделять внимание вопросу вины в том виде, в каком это происходило в ФРГ. ГДР не признавала себя правопреемницей Третьего Рейха, как это сделала ФРГ, поэтому вплоть до 1970-х гг. отвергала индивидуальную компенсацию и возмещение ущерба пострадавшим в период национал-социализма. Идеология антифашизма оправдала собственную историю ГДР, а также освободила людей от индивидуальной ответственности и вины. Как подчёркивается в современных исследованиях и как это транслировалось при режиме СЕПГ, преступники и соучастники были только в другой, капиталистической Германии — ФРГ [Begrich, 2010].

В идеологии СЕПГ жертвы фашизма не приравнивались к бойцам с фашизмом. При этом именно антифашистская борьба стала ключевым словом коллективного исторического сознания и была представлена как непрерывная традиция коммунистического сопротивления. Антифашизм утвердился в историческом образе ГДР в 1950-ых и 1960-ых гг., а также использовался для утверждения национальной идентичности. Память и поминовение жертв национал-социализма всё больше шли рука об руку с политической инструментализацией и ритуализацией. Споры о виновности и ответственности за преступления нацизма не играли особой роли в официальной культуре памяти до 1989 г. [Begrich, 2010].

СЕПГ всемерно подчёркивала важность чествования памяти жертв фашизма. Однако сами жертвы были иерархизированы в интересах особой, коммунистической, исторической памяти. Жертвами считались в первую очередь евреи, однако к ним было принято относиться с некоторой долей скептицизма, так как, по мнению руководства СЕПГ, они терпели лишения и страдания, а не противостояли им [Zur

Nieden, 2001: 88]. Как отмечают немецкие историки, в ГДР многие жертвы нацистского режима отошли на второй планы. К так называемым «забытыми жертвами» относят этнические группы цыган синти и рома, гомосексуалистов и другие меньшинства [Danyel, 2005: 191; Farmer, 1995: 102]. Воспоминания о них стали вторичными в обществе и практически исчезли из «культуры памяти».

В ГДР культ борцов-антифашистов проявился в сооружении мемориалов. Памятники устанавливались в честь героев, принимавших участие в противостоянии с фашизмом и погибших в борьбе с национал-социализмом. Возведение памятников и создание памятных мест началось уже в 1950-ые гг. За десять лет были открыты национальные мемориалы в Бухенвальде, Равенсбрюке и Заксенхаузене. Современные немецкие историки видят в этом историческом процессе больше политический инструмент СЕПГ, чем чествование памяти жертв национал-социализма, что вряд ли можно считать оправданным. Их позиция скорее отражает современную политическую конъюнктуру, где «общность исторической памяти» требует демонстрации негативных черт культуры «восточного образца».

СЕПГ рассматривала Восточную Германию как страну активных борцов сопротивления и пассивных жертв. Государственная мемориальная культура превратилась в культ героев коммунистического сопротивления и его мучеников. В ГДР прослеживалась заметная тенденция: чествование жертв, которые противостояли национал-социализму, ориентировалось прежде всего на поддержку со стороны Советского Союза. Лишь в 1980-ых гг. произошло расширение мемориального канона: на него начали оказывать влияние идеи представителей Западной Германии. В поле зрения мемориальной «культуры памяти» ГДР таким образом попали некоммунистические группы сопротивления и жертвы, а также западные союзники по антигитлеровской коалиции.

«Двойное преодоление прошлого»

После объединения Германии в 1990 г. термин «преодоление прошлого» начал претерпевать существенную трансформацию в свете самого феномена воссоединения нации. В этот период в обществе стали говорить о таком феномене, как «двойное примирение с прошлым» (нем. «Doppelte Vergangenheitsbewältigung»). В данном случае речь идёт об осмыслении и обсуждении уже двух эпох в истории Германии XX в., а именно о периоде национал-социализма и о «диктатуре СЕПГ» (по мысли авторов этой идеи существовавшей в Восточной Германии с 1949 по 1989 гг.). Пожалуй, идея переосмысления «прошлого ГДР» сегодня даже вышла на первый план как общественного обсуждения, так и научного осмысления, что создаёт некоторый перекося в реальном использовании принципа «двойного примирения». При этом делается попытка непосредственно разобратся с наследием системы СЕПГ, помочь жертвам, научно реконструировать происходившие в ГДР процессы. Все эти задачи в немалой степени противоречат тенденциям «остальгии» — ностальгии по ГДР, распространённой сегодня среди представителей немецкого гражданского общества. Как отмечает историк Бернд Фауленбах, к «остальгии» можно отнести стремление сохранить как можно больше из ГДР и попытку музеефикации повседневной культуры [Faulenbach, 1996: 235].

Из-за различий в отношении к национал-социализму в ГДР и старой Федеративной Республике оценка значения нацистского периода в настоящее время заметно различается у выходцев из западных и восточных земель. В сознании западных немцев и их потомков этот этап играет несравненно большую роль, чем в сознании жителей бывшей ГДР и их потомков [Faulenbach, 1995: 115]. Усложняет ситуа-

цию тот факт, что «примирение с прошлым ГДР» носит «региональный» характер, она в большей степени касается «осси», жителей новых федеральных земель, — в то время как у «весси» нет опыта таких переживаний. Подобная диспропорция приводит к тому, что Федеральный фонд переоценки диктатуры СЕПГ (нем. «Bundesstiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur») называет «асимметрией работы над прошлым» в документе «Положение Федерального фонда по восстановлению диктатуры СЕПГ о состоянии и перспективах восстановления ГДР» (нем. «Stellungnahme der Bundesstiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur zum Stand und den Perspektiven der DDR-Aufarbeitung»), составленном по заказу Экспертной комиссии «Bundesbeauftragter für die Stasi-Unterlagen»⁹.

После прекращения существования ГДР в 1990 г. было принято решение начать работу по примирению с коммунистическим прошлым. В марте 1992 г. Бундестаг одобрил заявление о создании Комиссии «Обзор истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии», которая должна была проводить расследование деятельности партии в период с 1992 по 1994 гг. Однако, когда через два года стало очевидно, что работа не может быть завершена в срок, Бундестаг принял решение о создании второй Комиссии «Преодоление последствий диктатуры СЕПГ в процессе германского единства» (1995–1998). Результаты работы комиссий были опубликованы в 32 томах на 29 000 страницах. Цель этого проекта состояла в том, чтобы показать историческое развитие властных структур в ГДР, обозначить роль и значение идеологии СЕПГ, а также проанализировать возможные последствия объединения Германии, в том числе его влияние на «девиантно-резистентное поведение в обществе»¹⁰.

Благодаря Федеральному органу по документации Службы государственной безопасности бывшей Германской Демократи-

⁹ Stellungnahme der Bundesstiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur zum Stand und den Perspektiven der DDR-Aufarbeitung. — P. 12. — URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/417554/8e439418fc632f3d30a07d8a298eff5e/Bundesstiftung-data.pdf>

¹⁰ Die Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur». — URL: <https://enquete-online.de/>

ческой Республики, также известному как орган Гаука, Бертлера или Яна (по именам исполняющих обязанности Федерального комиссара) граждане новых федеральных земель получили возможность проверять файлы Службы государственной безопасности и получать информацию о том, сотрудничали ли политики и государственные служащие в прошлом с Министерством государственной безопасности («Штази»). По решению бундестага в 2019 г. полномочия этого органа были упразднены, а все связанные с его деятельностью файлы с 2021 г. находятся в Федеральном архиве¹¹.

Отметим: концепция «двойного переосмысления прошлого» включает в себя работу с историческим прошлым ГДР и ФРГ. Эта работа немецких учёных означает в том числе требование сравнить диктатуры национал-социализма и режима СЕПГ. Несмотря на то, что в 1990-ые гг. немецкие исследователи под влиянием концепции «двойного переосмысления прошлого» активно проводили аналогию между национал-социализмом и режимом СЕПГ, что приводило к их ошибочному отождествлению и ложному уравниванию, с такой оценкой соглашались далеко не все исследователи. Так, историк Бернд Фауленбах в процессе требуемого сравнения предлагает взять во внимание следующие критерии: структуру и продолжительность существования Третьего Рейха и ГДР, процесс их распада, масштаб и размеры преступлений [Faulenbach, 1995]. Философ Ю. Хабермас также заявлял, ориентируясь на известную статистику, о разных масштабах и родах преступления в период национал-социализма и в период существования ГДР. Несмотря на то, что Берлинское отделение Федерального архива зарегистрировало 125 000 случаев нарушения прав человека за 40-летний период существования ГДР, категории этих

преступлений не идут ни в какое сравнение с преступлениями нацизма¹². Согласно некоторым статистическим данным, за годы Второй мировой войны было убито более 70 миллионов человек¹³. Историческая справедливость требует признать: концепция «двойного переосмысления прошлого» вовсе не означает уравнивания оценок двух периодов в истории Германии, с чем солидарны представители мировой науки [Diner, 1995: 57; Faulenbach, 1996: 237; Mohler, 1991: 322]. Более того, в некоторых отношениях воспоминания об обоих прошлых временах кажутся конкурирующими друг с другом [Faulenbach, 1996]. В то время как одни исследователи считают, что озабоченность прошлым ГДР должна способствовать релятивизации нацизма, другие предполагают, что зацикленность на нацистском периоде может позволить вовлечённым в систему СЕПГ избежать «преследования» за свою роль в ГДР. Действительно, рефлексия над «прошлым Штази» в Германии вновь обращает внимание на прошлое нацистской эпохи и возобновляет спор по поводу его интерпретации. И если в результате «спора историков» в 1980-ые гг. в обществе укоренилась идея беспрецедентности Холокоста, то после 1989 г. происходит возрождение теорий тоталитаризма [Jesse, 2012]. При этом приходится признать: процесс историзации периода национал-социализма и режима СЕПГ в Германии неравномерен. Временное расстояние от нацистской эпохи значительно больше, и сегодня, в отличие от наследия СЕПГ, она не представляет непосредственной политической проблемы.

В то же время, само наличие акцента в общей «культуре памяти» на «культуре памяти» периода ГДР демонстрирует важные для немецкого общества процессы и явления. В частности, оно показывает, что пре-

¹¹ Geschichte des Stasi-Unterlagen-Archivs // Das Bundesarchiv. — URL: <https://www.stasi-unterlagen-archiv.de/ueber-uns/geschichte-des-stasi-unterlagen-archivs/>

¹² Habermas J. Bemerkungen zu einer verworrenen Diskussion // Zeit Online. — 1992. — 3.apr. — URL: <https://www.zeit.de/1992/15/bemerkungen-zu-einer-verworrenen-diskussion/>

¹³ Zahl der Toten nach Staaten im Zweiten Weltkrieg in den Jahren 1939 bis 1945 // Statista Research Department. — 2023. — 1 feb. — URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1055110/umfrage/zahl-der-toten-nach-staaten-im-zweiten-weltkrieg/>

одоление национал-социализма уже стало частью немецкого самосознания и идентичности; однако того же нельзя пока сказать о «преодолении прошлого» ГДР.

Можно предполагать, что процессы историзации темы памяти в немецком обществе будут продолжать развиваться и дальше, а различные подходы к общему прошлому продолжают оказывать взаимное влияние. Например, историк Бернд Фауленбах считает, что опыт Третьего рейха и ГДР должен быть сохранён в коллективной памяти [Faulenbach, 1995]. Отмечается, что для сохранения опыта системы СЕПГ в национальной памяти важно не только то, что её преступления необходимо рассматривать на другом уровне, чем преступления нацистов, но и тот факт, что эта система была в значительной степени навязана извне, затрагивала только часть немецкой нации и, следовательно, отличалась от нацистской. Так, критик феномена «Vergangenheitsbewältigung» политолог Экхард Джесси подчёркивает: между «преодолением прошлого», которое происходило в 1945 г. и 1990 г., есть существенная разница [Jesse, 1994]. Если в послевоенный период речь шла об обязательных действиях по работе над осмыслением периода национал-социализма со стороны государства и общества, то после объединения Германии вопрос о вине и ответственности немцев, а также о периоде существования диктатуры СЕПГ, является уже не принудительным для решения со стороны закона, но необходимым с точки зрения формирования самоидентификации. В 2000-ые гг. в средствах массовой информации прошла новая волна публикаций, посвящённых рассмотрению проблемы «преодоления прошлого» с новой точки зрения, а именно с учётом понимания позиции немцев как жертв истории, а не только как преступников.

Хотя объединение Германии послужило началом нового витка переосмысления национал-социалистического прошлого, в обществе стал вновь подниматься вопрос, как и при «споре историков», есть ли в процессе «преодоления прошлого» конечная точка? Сегодня немецкие историки и исследователи культурной политики по-разному отвечают на этот вопрос, однако

сходятся во мнении, что прошлое нельзя окончательно «преодолеть». Оно будет проявляться в различных формах мемориальной культуры, в деятельности средств массовой коммуникации, в создании «мест памяти» (нем. «Erinnerungsorte»). В связи с этими дискуссиями можно наблюдать более частое использование термина «Vergangenheitsaufarbeitung» — «примирение с прошлым». Этот факт можно воспринимать как аргумент в пользу позиции, согласно которой с прошлым нельзя «справиться», с ним можно только «примириться». При этом некоторые исследователи всё же не проводят чёткую границу между двумя терминами, а используют их в качестве взаимозаменяемых синонимов [Arenhövel, 2000]. Тем не менее стоит подчеркнуть: термин «Vergangenheitsbewältigung» приобрёл более широкое историческое значение, поскольку позволяет — в отличие от альтернативных терминов — наиболее полно описывать всю совокупность проблем, с которыми столкнулись немцы после 1945 г.

Таким образом, процесс «преодоления» прошлого или «примирения» с ним обсуждается в культуре, научном и публицистическом дискурсе Германии длительное время. Феномен «Vergangenheitsbewältigung» с момента своего появления в ФРГ претерпевал изменения, на которые влияли политические события и настроения в стране. С момента объединения Германии проблема примирения с прошлым обрела новые черты и раскрыла новые аспекты культуры памяти, требующие дальнейшего исследования. Помимо рефлексии над национал-социалистической эпохой, на первый план для жителей бывшей ГДР вышло переосмысление режима СЕПГ, преподнесённое как элемент «общности» «культурной памяти». В немецком научном дискурсе данному феномену на сегодняшний день уделяется большое внимание, однако в российском научном сообществе данной проблеме посвящено лишь небольшое количество исследований. Важно учесть, что в долгосрочной перспективе значение этого феномена для трансформации национальной идентичности немцев вряд ли существенно уменьшится, что

следует иметь в виду как для понимания общего климата взаимодействия с представителями этой культуры, так и для вы-

страивания прагматически корректных отношений по конкретным вопросам возможной коммуникации.

Список литературы:

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. — Москва: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.

Ясперс К. Вопрос о виновности. — Москва: Прогресс, 1999. — 146 с.

Adorno T. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit // Eingriffe. Neun kritische Modelle. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1963. — pp. 124-146.

Arenhövel M. Demokratie und Erinnerung. Der Blick zurück auf Diktatur und Menschenrechtsverbrechen. — Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2000. — 158 p.

Baumgärtner U. Reden nach Hitler: Theodor Heuss, die Auseinandersetzung mit dem Nationalsozialismus. — München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2001. — 479 p.

Begrich P. Thesen zu Erinnerungskultur in der DDR // Geteilte Erinnerung? Zum Umgang mit Nationalsozialismus in Ost und West. — Berlin: Amadeu Antonio Stiftung, 2010. — P. 19-23.

Danyel J. Der vergangenheitspolitische Diskurs in der SBZ/DDR 1945-1989 // Krieg – Diktatur – Vertreibung. Erinnerungskulturen in Tschechien, der Slowakei und Deutschland seit 1945. — Essen: Klartext Verlag, 2005. — pp. 173-196.

Diner D. Kreisläufe. Nationalsozialismus und Gedächtnis. — Berlin: Berlin Verlag, 1999. — 143 p.

Farmer S. Symbols that Face Two Ways: Commemorating the Victims of Nazism and Stalinism at Buchenwald and Sachsenhausen // Representations. — 1995. — Vol. 49. — P. 97-119. <https://doi.org/10.2307/2928751>

Faulenbach B. Die doppelte „Vergangenheitsbewältigung“. Nationalsozialismus und Stalinismus als Herausforderungen zeithistorischer Forschung und politischer Kultur // Die geteilte Vergangenheit. Zum Umgang mit Nationalsozialismus und Widerstand in beiden deutschen Staaten. — Potsdam: Akademie Berlin, 1995. — P. 107-124. <https://doi.org/10.14765/zzf.dok.1.946>

Faulenbach B. Die Erinnerungskultur Deutschlands // Urbane Erinnerungskulturen im Dialog: Berlin und Buenos Aires. — Berlin: Metropol Verlag, 2009. — P. 37-46.

Faulenbach B. Geschichtserfahrung und Erinnerungskultur im vereinigten Deutschland // Gewerkschaftliche Monatshefte. — 1996. — Vol. 47, № 4. — P. 232-239.

Frei N. Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. — München: Verlag Beck, 1997. — 464 p.

Garbe J. Deutsche Geschichte. In deutschen Geschichten der neunziger Jahre. — Würzburg: Königshausen & Neumann, 2002. — 284 p.

Jesse E. "Vergangenheitsbewältigung" nach totalitärer Herrschaft in Deutschland // German Studies Review. — 1994. — Vol. 17. — P. 157-171.

Jesse E. Geschichtspolitik und Vergangenheitsbewältigung. Handwörterbuch des politischen Systems der Bundesrepublik Deutschland. — Heidelberg: Springer, 2021. — 1059 p.

König H. Von der Diktatur zur Demokratie oder Was ist Vergangenheitsbewältigung // Vergangenheitsbewältigung am Ende des zwanzigsten Jahrhunderts. — Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1998. — P. 371-392. https://doi.org/10.1007/978-3-663-11730-8_17

Mohler A. Der Nasenring. Die Vergangenheitsbewältigung vor und nach dem Fall der Mauer. — München: Langen-Müller, 1991. — 360 p.

Vogt M. Theodor Heuss. Politiker und Publizist. — Tübingen: Wunderlich, 1984. — 541 p.

Zur Nieden S. "L. ist ein vollkommen asoziales Element ..." Säuberungen in den Reihen der "Opfer des Faschismus" in Berlin // Vielstimmiges Schweigen. Neue Studien zum DDR-Antifaschismus. — Berlin: Metropol Verlag, 2001. — P. 85-108.

References:

- Adorno, T. W. (1963) 'Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit', in *Eingriffe. Neun kritische Modelle*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, pp. 124–146.
- Arenhövel, M. (2000) *Demokratie und Erinnerung. Der Blick zurück auf Diktatur und Menschenrechtsverbrechen*. Frankfurt am Main: Campus Verlag.
- Assmann, A. (2006) *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München: C.H. Beck. (Russ. ed.: (2014) *Dlinnaja ten' proshlogo. Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ.)
- Baumgärtner, U. (2001) *Reden nach Hitler: Theodor Heuss, die Auseinandersetzung mit dem Nationalsozialismus*. München: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Begrich, P. (2010) 'Thesen zu Erinnerungskultur in der DDR', in *Geteilte Erinnerung? Zum Umgang mit Nationalsozialismus in Ost und West*. Berlin: Amadeu Antonio Stiftung, pp. 19–23.
- Danyel, J. (2005) 'Der vergangenheitspolitische Diskurs in der SBZ/DDR 1945-1989', in *Krieg – Diktatur – Vertreibung. Erinnerungskulturen in Tschechien, der Slowakei und Deutschland seit 1945*. Essen: Klartext Verlag, pp. 173–196.
- Diner, D. (1999) *Kreisläufe. Nationalsozialismus und Gedächtnis*. Berlin: Berlin Verlag.
- Farmer, S. (1995) 'Symbols that Face Two Ways: Commemorating the Victims of Nazism and Stalinism at Buchenwald and Sachsenhausen', *Representations*, 49, pp. 97–119. <https://doi.org/10.2307/2928751>
- Faulenbach, B. (1995) 'Die doppelte "Vergangenheitsbewältigung". Nationalsozialismus und Stalinismus als Herausforderung zeithistorischer Forschung und politischer Kultur', in *Die geteilte Vergangenheit. Zum Umgang mit Nationalsozialismus und Widerstand in beiden deutschen Staaten*. Postdam: Akademie Berlin, pp. 107–124. <https://doi.org/10.14765/zzf.dok.1.946>
- Faulenbach, B. (1996) 'Geschichtserfahrung und Erinnerungskultur im vereinigten Deutschland', *Gewerkschaftliche Monatshefte*, 47(4), pp. 232–239.
- Faulenbach, B. (2009) 'Die Erinnerungskultur Deutschlands', in *Urbane Erinnerungskulturen im Dialog: Berlin und Buenos Aires*. Berlin: Metropol Verlag, pp. 37–46.
- Frei, N. (1997) *Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit*. München: Verlag Beck.
- Garbe, J. (2002) *Deutsche Geschichte in deutschen Geschichten der neunziger Jahre*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Jaspers, K. (1946) *Die Schuldfrage*. Heidelberg: Lambert Schneider Verlag. (Russ. ed.: (1999) *Vopros o vinovnosti*. Moscow: Progress Publ.)
- Jesse, E. (1994) '"Vergangenheitsbewältigung" nach totalitärer Herrschaft in Deutschland', *German Studies Review*, 17, pp. 157–171.
- Jesse, E. (2021) *Geschichtspolitik und Vergangenheitsbewältigung. Handwörterbuch des politischen Systems der Bundesrepublik Deutschland*. Heidelberg: Springer.
- König, H. (1998) 'Von der Diktatur zur Demokratie oder Was ist Vergangenheitsbewältigung', in *Vergangenheitsbewältigung am Ende des zwanzigsten Jahrhunderts*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, pp. 371–392. https://doi.org/10.1007/978-3-663-11730-8_17
- Mohler, A. (1991) *Der Nasenring. Die Vergangenheitsbewältigung vor und nach dem Fall der Mauer*. München: Langen-Müller.
- Zur Nieden, S. (2001) '"L. ist ein vollkommen asoziales Element ..." Säuberungen in den Reihen der "Opfer des Faschismus" in Berlin', in *Vielstimmiges Schweigen. Neue Studien zum DDR-Antifaschismus*. Berlin: Metropol Verlag, pp. 85–108.
- Vogt, M. (1984) *Theodor Heuss. Politiker und Publizist*. Tübingen: Wunderlich.

Информация об авторе

Елена Андреевна Дармина — аспирант кафедры философии МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Elena A. Darmina — PhD student, Department of Philosophy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 31.05.2023.

The article was submitted 16.03.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 31.05.2023.